УДК 78.03(47)"18"
ББК 85.313(2=411.2)52-8Чайковский П.И., 2ю14
DOI 10.25281/2072-3156-2020-17-5-496-509

Г.А. МОИСЕЕВ

П.И. ЧАЙКОВСКИЙ И ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ КОНСТАНТИН КОНСТАНТИНОВИЧ: ПОСМЕРТНЫЙ ДИАЛОГ

Григорий Анатольевич Моисеев,
Московская государственная консерватория им. П.И. Чайковского,
Научно-издательский центр «Московская консерватория»,
ведущий научный сотрудник
Большая Никитская ул., д. 13/6,
Москва, 125009, Россия

кандидат искусствоведения
ORCID 0000-0003-2361-7997; SPIN 9670-5937
E-mail: gmoiseev@yandex.ru

Реферат. *П.И. Чайковского и великого князя Константина Константиновича (августейшего поэта К. Р.) связывала многолетняя дружба и творческое сотрудничество. После смерти композитора (25 октября 1893 г.) К. Р. был включен в процесс увековечивания его памяти. Посмертный диалог проявлялся в разных формах: участие великого князя Константина Константиновича в церковных и светских мемориальных церемониях, поминовениях приватного характера, тесном общении с М.И. Чайковским и В.Л. Давыдовым — братом и племянником композитора. Помимо этого, К. Р. переосмыслял свое творческое и эпистолярное общение с ним и передавал память о гениальном музыканте своим детям. Эти и другие аспекты рассмотрены в трех разделах предлагаемой статьи: I. «Под знаком Литургии ор. 41» (это духовно-музыкальное произведение проходит через всю жизнь великого князя); II. «Великий князь и М.И. Чайковский» (ключевая фигура в «человеческом» аспекте); III. «К. Р. читает "Ж. Ч."» (одной из самых важных находок стал экземпляр книги «Жизнь Петра Ильича Чайковского», принадлежавший великому князю, с его пометами, в которых ретроспективно отражен процесс углубленного семейного чтения). Статья основана на документальных материалах из российских и зарубежных собраний (в том числе из Государственного архива Российской*

Федерации и Библиотеки Конгресса США), многие из которых вводятся в научный оборот впервые. В статье использованы методы сравнительного источниковедения. Материалы статьи могут быть использованы в курсе истории русской музыки, а также в современном комментированном издании эпистолярного наследия и дневников П.И. Чайковского, М.И. Чайковского и великого князя Константина Константиновича.

Ключевые слова: П.И. Чайковский, М.И. Чайковский, великий князь Константин Константинович, К. Р., личная библиотека, Г.Э. Конюс, Литургия ор. 41, Императорское Русское музыкальное общество, ИРМО, Русская императорская коллекция, переписка, дневники, комментирование, источниковедение, архивы Романовых, августейшее покровительство.
Для цитирования: *Моисеев Г.А.* П.И. Чайковский и великий князь Константин Константинович: посмертный диалог // Обсерватория культуры. 2020. Т. 17, № 5. С. 496—509. DOI: 10.25281/2072-3156-2020-17-5-496-509.

Ужели Рафаэль, на том очнувшись свете,
Сикстинскую Мадонну позабыл?
Ужели там Шекспир не помнит о Гамлете,
И Моцарт Реквием свой разлюбил?
К. Р. (1885)

Настоящая статья развивает сюжет, уже затронутый на страницах журнала «Обсерватория культуры»: в статье 2016 г. [1] речь шла о прижизненных взаимоотношениях великого князя Константина Константиновича (августейшего поэта К. Р.) и П.И. Чайковского. Анализ мотивов и форм общения двух выдающихся представителей русской культуры, стремление дать характеристику каждому его этапу привели к пониманию того, что после смерти П.И. Чайковского (25 октября 1893 г.) оно получило продолжение, которое можно назвать «посмертным диалогом».

Обзор основывается на документальных материалах из российских и зарубежных собраний (Государственного архива Российской Федерации; Государственного мемориального музыкального музея-заповедника П.И. Чайковского; архива Московской государственной консерватории им. П.И. Чайковского; Библиотеки Конгресса США), в том числе на источниках, которые вводятся в научный оборот впервые. Помимо дневников Константина Константиновича, это его переписка с Модестом Ильичем Чайковским (младшим братом композитора и автором фундаментального биографического труда — «Жизнь Петра Ильича Чайковского»), книги из личной библиотеки великого князя с его рукописными пометами и другие раритеты.

ПОД ЗНАКОМ ЛИТУРГИИ ОР. 41

Константин Константинович оказался включенным в интенсивный процесс увековечивания памяти гениального музыканта, инициированный его ближайшим окружением — родственниками, друзьями, учениками, коллегами. С некоторыми из них (Г.А. Ларошем, В.В. Бутаковой) августейший поэт был знаком еще с 1870-х годов. Другие (в их числе М.И. Чайковский и В.Л. Давыдов) вошли в круг общения в дни предсмертной болезни композитора. Его внезапный, окрашенный в трагические тона уход из жизни стал исходной точкой «посмертного диалога» и нашел резонансное отражение в великокняжеском дневнике (25 октября — 1 ноября 1893).

«...Получил телеграмму от Модеста Чайковского: Петр Ильич в 3 часа ночи скончался. Сердце больно сжимается. Я любил его и почитал как музыканта. Мы были в хороших, сердечных отношениях, мне будет недоставать его» [2, ед. хр. 40, л. 137]. Таким непосредственно эмоциональным и импульсивным был первый отклик. В течение последующих часов и суток К. Р. несколько раз дополнял его, причем чувство потери и потерянности усиливалось: «Еще одним человеком, дорогим для русского искусства, меньше. Мы с ним переписывались, у меня хранится немало его писем. И все увеличивается число пакетов с письмами от людей, которые мне уже писать не будут. <...> Утром я был сам не свой. Все оплакивают

безвременную кончину Чайковского, все поражены ею» [2, ед. хр. 40, л. 137 об.].

Стремление заглушить боль утраты при помощи поэзии оказалось тщетным: «Порывался также написать стихи на смерть Чайковского, но ничего не удавалось»[1] [2, ед. хр. 40, л. 137 об.]. Однако после посещения заупокойной службы (28 октября) на страницах дневника появилась запись религиозно-мистического характера (быть может, это эхо нереализованного поэтического порыва?)[2]: «Я нарочно поехал в город, чтобы отстоять в Казанском соборе заупокойную литургию и отпевание. <...> Давно не видал я такого торжественного богослужения. Пели “Верую” и “Тебе поем” из литургии, сочиненной покойным. Мне хотелось плакать и думалось, что не может мертвый не слышать своих звуков, провожающих его в другой мир. Уж я не видал его лица; гроб был закрыт. И больно, и грустно, и торжественно, и хорошо было в Казанском соборе» [2, ед. хр. 40, л. 139 об.]. Смысловая доминанта заключена в словах о посмертной памяти — религиозное и творческое начала были для К. Р. тесно связаны. Еще в 1885 г. он написал стихотворение «Нет! Мне не верится, что мы воспоминанья о жизни в гроб с собой не унесем...», основная мысль которого состояла в том, что великие творцы (в стихотворении это Рафаэль, Шекспир, Моцарт — см. эпиграф к настоящей статье) и после смерти, «сливаясь с Божеством», продолжают с «чистой и бесстрастной» любовью помнить о созданных ими художественных шедеврах [3, с. 186—187]. Для В.А. Моцарта в качестве такого сочинения назван его последний опус — Реквием KV 626. Если вернуться к описанию похорон П.И. Чайковского, то для него таким произведением стала (в представлении Константина Константиновича) Литургия святого Иоанна Златоуста ор. 41.

Эхо события слышно в дневнике вплоть до середины 1910-х годов. Остановлюсь на мемориальных мероприятиях — великий князь присутствовал на них как вице-председатель Императорского Русского музыкального общества (ИРМО). В приведенных ниже описаниях упоминаются детали, не отраженные в открытых источниках, например, в репортажах столичной прессы [4; 5]. 24 октября 1898 г. в Санкт-Петербургской консерватории прошло «торжественное открытие мраморной статуи П.И. Чайковского (работы В.А. Беклемишева)[3], поставленной в больших сенях у правой двери в большую концертную залу». Поскольку торжество было приурочено к 5-летней годовщине смерти, «начали с литии. Пел хор учеников и учениц Консерватории». Церковное поминовение сменилось официальной церемонией с участием высокопоставленных лиц: «Председатель Высочайше утвержденной комиссии по сбору пожертвований в капитал имени Чайковского Н.И. Стояновский[4] громогласно прочитал бумагу о передаче статуи комиссией [Русскому] Музыкальному обществу. Хор запел “Славу” Чайковского, и пелена, скрывавшая статую, упала» [2, ед. хр. 45, л. 121—121 об.]. Последние слова вызывают вопрос, поскольку в современных российских и зарубежных указателях сочинений композитора [6; 7] нет отдельного опуса с подобным названием. Принимая во внимание событийный контекст, можно предположить, что прозвучал праздничный хор «Слава, слава...» из IV действия «Опричника» — оперы, давно входившей в репертуар консерваторцев и хорошо знакомой Константину Константиновичу [2, ед. хр. 35, л. 156].

[1] «Ничего не удавалось» — устойчивое выражение, встречающееся в дневнике К. Р. при описании разных стадий творческого процесса. Как правило, поэт вскоре предпринимал новые попытки реализовать замысел, попутно оценивая его жизнеспособность. Так происходило и в данном случае. 29 октября 1893 г.: «В вагоне сочинял стихи памяти Чайковского, кажется ничего из этого не выйдет» [2, ед. хр. 40, л. 140]. 1 ноября 1893 г.: «В стихотворении памяти Чайковского прибавил еще одну строфу, но кажется, оно далее не подвинется» [2, ед. хр. 40, л. 141 об.]. Дальнейших упоминаний о мемориальном стихотворении в дневнике нет. Эскизы, по-видимому, не сохранились. Замысел остался неосуществленным.

[2] Чуткий слух уловит в последних строках нечто вроде метризованной прозы.

[3] В.А. Беклемишев (1861—1919) — один из самых востребованных скульпторов своего времени. С 1894 г. — профессор и руководитель скульптурной мастерской в Высшем художественном училище при Императорской Академии художеств, с 1906 по 1911 г. — ректор училища.

[4] Н.И. Стояновский (1821—1900) — юрист, товарищ министра юстиции, действительный тайный советник, сенатор, статс-секретарь (1895). С 1890 по 1897 г. занимал пост вице-председателя ИРМО, был его почетным членом. В 1893 г. возглавил Комиссию по сбору пожертвований в капитал имени Чайковского.

Вернемся к дневнику. После музыкального славословия «различные депутации подносили венки, причем некоторые говорили речи». Не обошлось без курьезов: В.Н. Герард (известный адвокат, соученик композитора по Училищу правоведения) «обратился к статуе со словами: “Да, Чайковский, ты...” и прочее. Довольно забавный ораторский прием», — с чуть заметной иронией отметил августейший поэт. В целом же, по его словам, «торжество это прошло очень хорошо». Оно увенчалось «концертом, составленным из сочинений Чайковского по случаю открытия статуи» [2, ед. хр. 45, л. 121 об.]. Вначале прозвучала Вторая симфония, затем «Вальс» и «Элегия» из Струнной серенады (под управлением Л.С. Ауэра), вокальные дуэты ор. 46 (Е.К. Мравина, М.И. Долина), романсы «Соловей» и «Снова, как прежде один» (Н.Н. Фигнер), а в завершение — «Славянский марш» [8, с. 46]. Для сегодняшних меломанов такой формат концертной программы выглядит непривычно, но для слушателей конца XIX — начала XX в., к которым относился и К. Р., смешение симфонического и камерно-вокального жанров воспринималось естественно.

Схожим образом была составлена монографическая программа к 10-летию смерти П.И. Чайковского. 25 октября 1903 г. К. Р. зафиксировал: «5-я его симфония под управлением Хес[с]ина, Габрилович прекрасно исполнил концерт B-moll для фортепиано, г-жа Фриде пела романсы и на bis — на мои слова “Растворил я окно”»[5] [2, ед. хр. 51, л. 164]. Примечательно, что Первый фортепианный концерт и Пятую симфонию К. Р. знал еще по петербургским премьерам в интерпретации Г.Г. Кросса и Э.Ф. Направника (1875 г. [9, с. 156]), а также самого автора (1888 г. [2, ед. хр. 35, л. 117]). Исполнение на bis романса «Растворил я окно» воспринимается как знак особого внимания к присутствовавшему в зале августейшему поэту — сотворцу великого композитора.

Две следующие дневниковые записи возвращают нас к его главному духовно-музыкальному опусу — ор. 41. Напомним, что согласно православному вероучению, поминовение на литургии (церковная молитва, соединенная с бескровной жертвой), доставляет отраду душе умершего. 25 октября 1908 г. Константин Константинович «стоял обедню в соборе Александро-Невской лавры по 15-летию со дня смерти Чайковского», где «митрополичьи певчие прекрасно исполнили некоторые номера из его Литургии». Однако в резюмирующей фразе — «не понимаю, почему не спели ее всю целиком» [2, ед. хр. 60, л. 98] — ощутима неудовлетворенность от несбывшихся ожиданий.

Желание великого князя претворилось в дни 20-летия памяти композитора благодаря хоровому коллективу, которым руководил его старший сын, князь императорской крови Иоанн Константинович (1886—1918) — регент, организатор духовных концертов, знаток церковно-певческого репертуара[6]. 27 октября 1913 г. К. Р. с удовлетворением отметил, что слушал «в Мраморном [дворце] певчих Иоанчика, исполнивших *всю* Литургию Чайковского» [2, ед. хр. 64, л. 155]. По-видимому, для него это стало знаковым событием, ведь впервые отдельные песнопения из ор. 41 прозвучали в церкви Мраморного дворца еще в 1879 г. [1, с. 587], когда К. Р. впервые открыл для себя это «удивительно красивое» сочинение [2, ед. хр. 15, л. 95]. Окончательный же выбор музыки для дворцовых богослужений оставался за великим князем Константином Николаевичем, отцом К. Р. Таким образом, Литургия Чайковского стала духовно-музыкальной спутницей трех поколений великокняжеской семьи. Дальнейшие упоминания о музыке ор. 41 в дневнике Константина Константиновича отсутствуют; через полтора года великий князь скончался. Звучала ли она на заупокойных бо-

[5] А.Б. Хессин (1869—1955) — дирижер, начавший свою музыкальную карьеру с благословения П.И. Чайковского. По окончании Санкт-Петербургской консерватории учился в Германии у А. Никиша и Ф. Мотля.

О.С. Габрилович (1878—1936) — пианист и дирижер, ученик А.Г. Рубинштейна; позднее учился в Вене у Т. Лешетицкого.

Н.А. Фриде (1859—1942) — оперная и концертная певица (меццо-сопрано, контральто). В 1902 г. получила звание солистки Его Императорского Величества.

[6] Факт, достойный внимания: десятью годами ранее князь Иоанн Константинович, будучи подростком, попросил в подарок на день своего 17-летия «полное собрание духовных сочинений Чайковского и Львова; партитурное и голоса вместе» [10, ед. хр. 90, л. 113—114 об.].

гослужениях в Петропавловском соборе 8 июня 1915 г., пока неизвестно...

Сильнейшим музыкальным потрясением для К. Р. и одним из импульсов для «посмертного диалога» стала Шестая симфония Чайковского. Еще при жизни автора великий князь воспринял ее как «реквием» [11, с. 385], распознав в финале отголоски панихиды (см. запись после премьеры, 16 октября 1893 г. [2, ед. хр. 40, л. 131 об.]), а после мемориального концерта (6 ноября под управлением Э.Ф. Направника) охарактеризовал ее как «предсмертный завет, прощание с жизнью», отметив: «Было невыразимо слушать эти звуки...» [2, ед. хр. 40, л. 143 об.]. В последующие годы это сочинение упоминается в дневниках К. Р. неоднократно, но лишь в форме констатации: он играл ее в четыре руки вместе с Р.В. Кюндингером (11 и 16 декабря 1893 г. [2, ед. хр. 40, л. 158, 160]); слушал в симфонических собраниях Петербургского отделения ИРМО (в том числе, 13 октября 1910 г. вместе со своим сыном, князем императорской крови Гавриилом Константиновичем [2, ед. хр. 62, л. 141]) и в Павловском вокзале (в последний раз — в военное время 8 августа 1914 г. [2, ед. хр. 65, л. 15 об.]).

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ КОНСТАНТИН КОНСТАНТИНОВИЧ И М.И. ЧАЙКОВСКИЙ

Обратимся к взаимоотношениям великого князя Константина Константиновича с М.И. Чайковским — человеком, без которого невозможно представить ход развития «посмертного диалога». Их заочное общение началось со скорбных октябрьских телеграмм 1893 г. [12, с. 335]. Вскоре завязалась переписка, инициатором которой выступил М.И. Чайковский[7]. В ней ощутимы преемственные нити, идущие от переписки К. Р. с П.И. Чайковским (назову ее условно «большой»). Особенно заметны они в первом письме от 2 декабря 1893 г., где Модест Ильич говорит от имени своего покойного брата:

«Ваше Императорское Высочество! Не осудите смелость моего поступка. Конечно, я решаюсь обратиться к Вашему Императорскому Высочеству только потому, что имею доказательства Вашего милостивого и сердечного участия к моему горю, но я был бы очень несчастлив, если бы это письмо показалось Вам злоупотреблением той необычайной доброты, того тонкого, деликатного внимания, которым Вам было угодно меня удостоить[8]. Я долго колебался, прежде чем приступить к этому письму и решился написать его только потому, что глубоко убежден в полном согласии моих слов с волей Петра Ильича. Со времени его кончины я с умилением слышу отовсюду о желании почтить его память. Везде говорят о памятниках, о делах благотворения во имя его. Все это прекрасно, но если бы прежде воздвижения статуй и умножения стипендий кто-нибудь в знак почитания памяти брата догадался смягчить несправедливость, от которой он сам столько потерял и о которой так часто и много говорил, тот поистине совершил бы дело, в котором была бы душа покойного. Несправедливость эта — есть материальное положение композитора-симфониста. Из всех художников это единственные, произведения которых не вознаграждаются ничем. <...> Лучшее время дня, иногда всей жизни художника-симфониста должно быть отдано заботам о хлебе, а стало быть — занятиям, совершенно чуждым его специальности. Если бы в 1877 году, когда оперы его не давали еще денег, у брата Петра не явились неожиданно средства, позволившие ему оставить каторгу преподавания[9], если бы немного позже Государь Император,

[7] Последнее письмо, в котором К. Р. уведомляет М.И. Чайковского о получении его литературного труда, посвященного Его Высочеству, датировано 2 марта 1907 г.: «Многоуважаемый Модест Ильич, сейчас получил изящную книгу вашего перевода Ричарда II Шекспира и с умилением увидал и посвящение, и сердечно тронувшее меня стихотворение с упоминанием букв моего литературного псевдонима. Первым движением моим было обратиться к вам с самой задушевной благодарностью, что и исполняю с особенным удовольствием. Примите горячее спасибо и верьте моему совершенному уважению. Константин» [13].

[8] Имеются в виду телеграммы от 24 и 25 октября 1893 г. с соболезнованиями Модесту Ильичу от великого князя Константина Константиновича и его супруги великой княгини Елизаветы Маврикиевны [12, с. 335].

[9] Имеется в виду регулярное материальное вспомоществование от Надежды Филаретовны фон Мекк.

тогда еще Царевич[10], не являлся изредка ему на помощь, то нервная болезнь, начавшая развиваться у брата, не дала бы создать половины того, что он сделал с тех пор; скажу более, вряд ли он дожил бы и до 53-х лет при тех условиях, потому что во время своего профессорства, чтобы сочинять, надо было урывать часы в такое время, когда занятия губительно действуют на здоровье нервных людей, т. е. вечером и ночью. "Евгений Онегин" никогда не был бы написан, если бы как раз в это время существования брата не было обеспечено помимо заработка в консерватории. <...> Высочайше пожалованная пенсия[11] затем еще более увеличила его благосостояние и дала возможность сознавать себя вполне обеспеченным до конца жизни, независимо от успеха той или другой оперы. Это было великое благодеяние, которое он очень ценил и еще несколько дней до кончины говорил мне, что отсутствие на репертуаре его опер далеко не так уже заботит его вследствие постоянной, верной помощи, дарованной ему Государем Императором.

Я долго остановился на примере брата, потому что как бы от его имени только считаю себя вправе обратиться к Вашему Императорскому Высочеству, но я бы мог привести много грустных примеров того, как высоко даровитые люди вроде Римского-Корсакова, Аренского, Лядова и др[угих] тратят много времени и труда на преподавание, где их с успехом могли бы заменить менее талантливые музыканты, а они могли бы трудиться над настоящим делом своего призвания.

Цель этого письма не одни рассуждения на эту печальную тему, а главное, обратив милостивое внимание Вашего Императорского Высочества вообще на материальное положение композиторов, просить хотя бы об одном из них. Петр Ильич с февраля этого года находился под сильным впечатлением необычайной талантливости молодого композитора, сюиту которого исполняли у нас здесь, в субботу, 27-го ноября[12]. Вот что он тогда писал мне: "Сочинение Конюса превзошло все мои ожидания. Некоторые номера просто гениальны по оригинальности и прелести"[13]. Никогда в жизни он не был так восхищен никаким произведением других молодых композиторов; многие его радовали, но ни одно так не очаровывало. Он охотно и с удовольствием взялся за дирижирование (вообще всегда для него тягостное) в этом сезоне четырех концертов Императорского Русского Музыкального общества только потому, что в одном из них готовил себе "праздник" показать эту вещь Петербургу. О концерте 27-го ноября он говорил, как о приятнейшем для предстоявшего сезона. Мой племянник Владимир Давыдов и я были свидетелями, как он плакал от восторга, слушая эту сюиту в четырехручном исполнении Танеева и автора, и это после того, что уже почти знал ее наизусть. "Это не просто талантливый человек, — говорил он о Конюсе. — Есть что-то великое в его таланте". А между тем положение этого человека таково: он уже не очень молод и приближается к тридцатилетнему возрасту[14], женат, имеет детей. Сравнительно с другими товарищами ему скорее повезло, потому что удалось сделаться преподавателем Московской Консерватории[15]. <...> Вряд ли я ошибусь, если определю его общий доход в 2500 р. Это скромно, но вполне обеспечивает его. Он и семья его сыты и имеют все необходимое. Но есть ли возможность, достигнув этого материального положения, после шести часов преподавания в день заниматься сочинительством? <...> Простите меня, Ваше Императорское Высочество, простите, если мое воззвание покажется дерзким. Но я говорю от имени Петра Ильича, которому, я знаю, Вы

[10] Вероятно, это описка М.И. Чайковского. Великий князь Александр Александрович (будущий император Александр III) до марта 1881 г. имел титул цесаревича.

[11] Имеется в виду ежегодная пенсия в 3 тыс. руб., которую император Александр III назначил П.И. Чайковскому 31 декабря 1887 года.

[12] Речь идет о композиторе, музыкальном теоретике и педагоге Г.Э. Конюсе (1862—1933) и его сюите «Из детской жизни» для оркестра и детского хора, прозвучавшей 27 ноября 1893 г. под управлением С.И. Танеева в 4-м симфоническом собрании Санкт-Петербургского отделения ИРМО.

[13] М.И. Чайковский цитирует строки из письма П.И. Чайковского от 28 февраля 1893 г. [14, с. 53].

[14] М.И. Чайковский ошибся. Г.Э. Конюсу в то время уже исполнился 31 год.

[15] Г.Э. Конюс начал педагогическую деятельность в Московской консерватории в 1891 г. Он занимал должность ординарного преподавателя гармонии и инструментовки.

простили бы и больше. К тому же содержание этого письма неизвестно никому и менее всего самому Конюсу. Я едва знаком с ним и не решился бы иначе взяться за перо, но конечная моя просьба такова: не найдете ли Вы возможности рекомендовать сочинение этого композитора Его Императорскому Величеству (имп. Александру III. — *Г. М.*) и не окажется ли возможным, описав его материальное положение, исходатайствовать ему постоянную субсидию, хотя бы пятую часть того, что Государь Император жаловал Петру Ильичу. <...> Все подробности о нем я знаю от брата и других, так что ответственность за дерзость моего обращения падает исключительно на меня одного. Почтеннейше умоляю Ваше Императорское Высочество простить меня и верить, что каков бы ни был ответ на это письмо, я непременно на всю жизнь сохраню самую искреннюю и глубокую признательность за ту несказанную доброту и внимание, которыми Вашему Высочеству угодно было меня удостоить по поводу страшного события 25-го октября. Модест Чайковский» [15, ед. хр. 491, л. 1—4].

Имя Г.Э. Конюса, автора сюиты «Из детской жизни», было известно Константину Константиновичу из общения с П.И. Чайковским — при «последней встрече» с К. Р. он очень хвалил ему этого «нового московского композитора» [2, ед. хр. 40, л. 152]. Таким образом, ходатайство М.И. Чайковского попало на благодатную почву. К. Р. сразу передал его императору Александру III и вскоре получил от него одобрительный ответ: «дело устроится» [2, ед. хр. 40, л. 157 об.]; в то же время он ближе познакомился с сюитой Г.Э. Конюса, разбирая ее за фортепиано [2, ед. хр. 40, л. 158 об.].

В чем общность приведенного письма-ходатайства с «большой перепиской»? Выделю два аспекта. Первый связан с августейшим патронатом. В октябре 1891 г., вспоминая об оказанной ему в молодости моральной поддержке со стороны царственных особ, П.И. Чайковский делился с К. Р. своими размышлениями: «Было время, когда меня знать не хотели и, если бы не покровительство Великого Князя Отца Вашего (вел. кн. Константина Николаевича. — *Г. М.*), — ни одной моей оперы не приняли бы на сцену. Теперь меня балуют и всячески поощряют. Это очень приятно, — но не препятствую ли я теперь молодым композиторам попасть на сцену? Это меня часто беспокоит и мучит» [16, с. 258]. Слова П.И. Чайковского прочитываются как завуалированный призыв к Константину Константиновичу действовать аналогичным образом по отношению к молодым авторам. Однако К. Р. никак на него не отреагировал. В ходатайстве М.И. Чайковского этот призыв обрел конкретные очертания, он был услышан: вскоре Конюсу была высочайше пожалована ежегодная субсидия в 1200 рублей [17, ед. хр. 2874, л. 48]. Напомним, что согласно христианскому вероучению, отраду душам усопших приносит творимая за них милостыня. «Нет слов, чтобы выразить какое светлое радостное неизмеримо прекрасное чувство пробуждается во мне при воспоминании о несказанной доброте Вашего Высочества, — писал М.И. Чайковский великому князю 22 февраля 1894 г. — Я не осмелился бы и упоминать о том, что чувствую, если бы не верил в эту минуту, что за меня говорит тот, во имя которого это доброе дело сделано. Никто никогда не сумеет лучше почтить его память» [15, ед. хр. 491, л. 5—5 об.].

Второй аспект — творческий. «Детская тема» — центральная для сюиты Г.Э. Конюса — была близка и П.И. Чайковскому (вспомним его опусы 39, 53, 54, 71), и Константину Константиновичу (на тот момент отцу пятерых детей). В «большой переписке» она затрагивалась в связи с причудливой поэтической миниатюрой К. Р. «О, люди!» (октябрь 1889 г.), в кульминации которой звучит вопрос: «И как от души не простить побои ребенка (другой вариант: «задора ребенка». — *Г. М.*), / Коль не под силу ему свой гнев затаить?» [16, с. 71][16]. Стихотворение о «колотящей ручонке» вызвало у композитора неподдельный восторг [16, с. 73—74]. Напомнить о нем необходимо потому, что за неделю до получения ходатайства М.И. Чайковского великий князь присутствовал на петербургском исполнении сочинения Г.Э. Конюса (27 ноября 1893 г.). Назвав сюиту «очень милой», он особо отметил ее четвертую часть — «“Капризы”, очень метко и выразительно изображающую раздражение ребенка»,

[16] Причудливость стихотворения «О, люди!» заключается в том, что оно написано (по определению К. Р.) «несуществующим в наших правилах размером» [16, с. 71].

и здесь же упомянул о «покойном П.И. Чайковском» [2, ед. хр. 40, л. 152]. Слушая эту музыку, К. Р. наверняка вспомнил и о своем стихотворении на детскую тему, и о том, с каким пафосом отреагировал на него композитор (к тому же в тот период К. Р. перечитывал «большую переписку»). Великому князю оно было столь дорого, что спустя несколько лет он сделал его вторую редакцию, предпослав ему мемориальный заголовок — «П.И. Чайковскому» [18, с. 81].

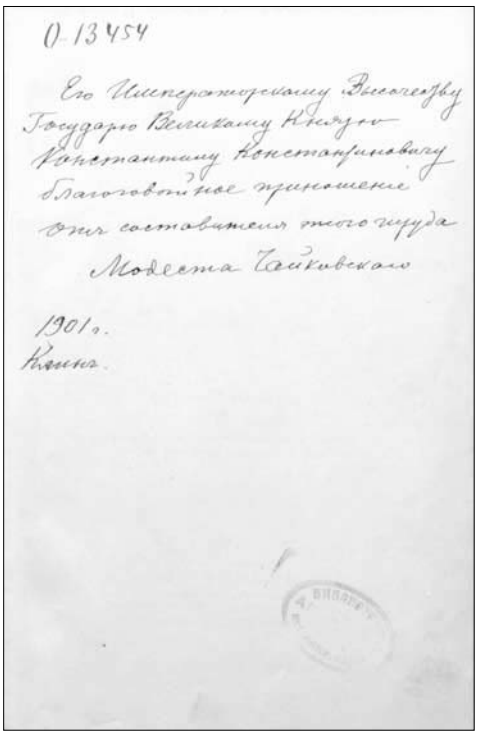
Наконец, еще один преемственный штрих: письмо, направленное великому князю Константину Константиновичу, имеет еще одного адресата — императора Александра III. Так нередко поступал и П.И. Чайковский в своей переписке с К. Р. [16, с. 35; 19, с. 33].

30 декабря 1893 г. великий князь встретился со своим новым корреспондентом в Мраморном дворце: «Утром был у меня брат покойного П.И. Чайковского Модест Ильич. Увидал его в первый раз. Он очень напоминает брата не лицом, а голосом и манерой говорить. Мы долго беседовали с ним и о покойном, и о молодом композиторе Конюсе, про которого М[одест] И[льич] мне написал. Я передал ему, что Государь принимает участие в этом человеке» [2, ед. хр. 41, л. 2—2 об.]. В «долгой беседе» могли затрагиваться разные темы, в том числе судьба литературного наследия композитора (напомню, что оба собеседника были представителями литературного цеха). Модест Ильич вполне мог посвятить Константина Константиновича в план одной предстоящей публикации. Косвенно это подтверждает великокняжеская дневниковая запись от 9 февраля 1894 г.: «В февральской книжке “Р[усского] Вестника” помещены мои стихи “Ах, эта ночь”, стихотворение “Ландыши” Чайковского и отрывки из его воспоминаний» [2, ед. хр. 41, л. 24 об.]. Речь идет о первой публикации поэзии и прозы композитора, осуществленной благодаря «любезности родных П.И. Чайковского» [20, с. 105]. Присутствие в журнале поэтической миниатюры самого К. Р. [20, с. 1] подсказывает, что августейший литератор мог быть причастен к концепции «февральской книжки Русского Вестника».

Общение Константина Константиновича с М.И. Чайковским и другими родственниками в дальнейшем получило развитие. Будучи командиром Преображенского полка, великий князь приблизил к себе В.Л. Давыдова (любимого племянника композитора), еще при жизни Петра Ильича начавшего службу в этом элитном воинском формировании. В октябре 1896 г. Константин Константинович назначил его заведующим школой солдатских детей и певческого хора преображенцев [21, с. 265—266]; в 1897 г. рассматривал его в качестве кандидата в воспитатели своих старших сыновей — Иоанчика и Гаврилушки [2, ед. хр. 44, л. 70 об.]; музицировал с ним в четыре руки [2, ед. хр. 44, л. 68, 69 об., 70], принимал вместе с ним Модеста Ильича как гостя [2, ед. хр. 44, л. 55 об.] и др. В дневнике также просматривается намерение К. Р. собирать вместе самых близких композитору людей [2, ед. хр. 44, л. 143 об.]. Участниками таких встреч (обедов в Мраморном дворце и в Павловске) помимо «преображенца Боба Давыдова» были В.В. Бутакова, Г.А. Ларош и, конечно, М.И. Чайковский.

К. Р. ЧИТАЕТ «Ж. Ч.»

Кульминация общения с ним приходится на 1900—1902 годы, когда М.И. Чайковский издавал свой трехтомный труд «Жизнь Петра Ильича Чайковского» (далее — «Ж. Ч.»). Именно в составе этой книги впервые увидела свет «большая переписка» К. Р. и М.И. Чайковского. Примечательна история ее публикации. Известно, что В.Л. Давыдов в ноябре 1893 г. вернул великому князю по его просьбе оригиналы всех писем [1, с. 590]. У М.И. Чайковского остались их копии, однако для обнародования эпистолярного материала в «Ж. Ч.» требовалось особое разрешение. На поданное прошение «господином Коллежским Асессором Модестом Ильичом Чайковским» в ноябре 1901 г. был получен официальный ответ от великокняжеской придворной конторы: «Великий Князь соизволил Вам разрешить, при составлении биографии покойного Вашего брата П.И. Чайковского, печатать письма, адресованные покойным к Его Высочеству, а также приводить выдержки из писем Великого Князя к П.И. Чайковскому, в пределах, преподанных Вам Его Императорским Высочеством» [22, л. 1]. Этот документ


О. 13454

Его Императорскому Высочеству
Государю Великому Князю
Константину Константиновичу
Благоговѣйное приношеніе
отъ составителя этого труда
Модеста Чайковскаго

1901 г.
Клинъ.

Экземпляр трехтомника М.И. Чайковского
«Жизнь Петра Ильича Чайковского». Первый том.
Форзац с инскриптом М.И. Чайковского
вел. кн. Константину Константиновичу.
Музыкальный отдел Библиотеки Конгресса (США).
Библиотечный шифр: LC call number: ML410.C4 C2 Case.
Accession number: 34-450333; item number: 57782

Часть первая.

I.

1885 г.

Послѣ моральнаго кризиса, пережитаго во второй половинѣ 1877 года, Петръ Ильичъ искалъ и нашелъ спасеніе въ удаленіи отъ всего, что въ прежнемъ образѣ жизни требовало напряженія и борьбы съ природными склонностями.

Во первыхъ — отъ всякой обязанности, отъ всякаго труда внѣ музыкальнаго творчества т. е. отъ того, что впослѣдствіи онъ называлъ „не настоящимъ" своимъ дѣломъ, считая „настоящимъ" — одно сочинительство.

Потомъ — отъ людей. „Самимъ собой", какъ онъ часто выражался и на словахъ, и въ письмахъ, Петръ Ильичъ чувствовалъ себя только въ одиночествѣ и въ тѣсномъ кругѣ близкихъ, гдѣ говорилъ, когда есть что сказать и когда хотѣлось что-нибудь сказать. „Съ чужими, писалъ онъ въ одномъ изъ писемъ, я не умѣю быть *самимъ собой*, ибо натура моя не цѣльная, а въ высшей степени надломленная. Какъ только я не одинъ, а съ людьми чужими и новыми, то вступаю невольно для себя въ роль любезнаго, кроткаго, скромнаго и притомъ будто бы крайне обрадованнаго новымъ знакомствомъ человѣка, инстинктивно стремясь всѣмъ этимъ очаровать ихъ, что по большей части и удается, но *цѣной крайняго напряженія*, соединеннаго съ отвращеніемъ къ своему ломанію и неискренности. Хочется сказать: „Убирайтесь ко всѣмъ чертямъ!", — а говоришь любезности и иногда

Экземпляр трехтомника М.И. Чайковского
«Жизнь Петра Ильича Чайковского». Третий том.
Страница с рукописной пометой вел. кн. Константина
Константиновича. Простой карандаш.
Музыкальный отдел Библиотеки Конгресса (США).
Библиотечный шифр: LC call number: ML410.C4 C2 Case.
Accession number: 34-450333; item number: 57784

датирован 6 ноября 1901 г., следовательно, разрешение «печатать письма» и «приводить выдержки» имеет отношение к третьему тому, вышедшему в 1902 году.

По выходе в свет каждого из томов Модест Ильич дарил их великому князю. Какова судьба экземпляров, принадлежавших Константину Константиновичу? До начала 1930-х годов они находились в Северной столице, не покидая Мраморного дворца (с 1919 г. в нем размещалась Российская Академия истории материальной культуры, а бывшая великокняжеская библиотека стала ее частью), но затем, при посредничестве книжного дилера Израиля Перлштайна, оказались в США и с 1934 г. являются собственностью Библиотеки Конгресса (вместе с другими книгами и нотами, входящими в состав «Русской императорской коллекции» — The Library of Congress's Russian Imperial Collection).

Судя по описанию, составленному К. Лавином (библиографом Музыкального отдела Библиотеки Конгресса США), все тома переплетены в мягкую кожу мшисто-зеленого оттенка; на корешках вытиснены название книги, имя автора, музыкально-поэтическая символика в виде лиры, а также инициалы «К.К.» под императорской короной; обрез страниц позолочен [23, p. 58—59].

Первый том открывается дарственной надписью: «Его Императорскому Высочеству Великому Князю Константину Константиновичу благоговейное приношение от составителя этого труда Модеста Чайковского. 1901 г. Клин»[17] [24].

[17] Выражаю глубокую признательность и благодарность библиографу Музыкального отдела Библиотеки Конгресса США К. Лавину и доктору искусствоведения, профессору Московской государственной консерватории им. П.И. Чайковского С.Ю. Сигиде за информационную поддержку.

По всей вероятности, великий князь получал все тома вскоре после их издания[18]. Однако к знакомству с ними он приступил далеко не сразу, о чем говорят рукописные пометы и дневниковые записи. Чтение первого тома заняло около двух месяцев: с 10 ноября по 31 декабря 1909 г.; второго — около полугода: с 1 января по 26 июня 1910 года. Чтение третьего сопровождалось частыми и длительными перерывами, с 27 июня 1910 г. по 4 ноября 1911 года.

Содержание помет, коих в сумме насчитывается около восьмидесяти, разочарует тех, кто предвкушает сенсационные откровения, — пометы фиксируют хронологию семейного чтения, продолжавшегося почти два года. В них, незначительно видоизменяясь, повторяется одна и та же краткая формулировка: «Читал жене́ и Татиане», а далее указывается место (Павловск или Осташево[19]) и дата чтения [25, с. 689].

Иногда указание ограничивается лишь датой. Великая княгиня Елизавета Маврикиевна (жена Константина Константиновича) и княжна Татьяна Константиновна (их старшая дочь) были слушателями, а сам великий князь — чтецом. Роли поменялись лишь единожды: «30 ноября 1910 г. Павловск. Татьяна читала жене и мне» [26, с. 330]. В третьем томе в пометах за октябрь — ноябрь 1911 г. великая княгиня Елизавета Маврикиевна упоминается как единственный слушатель: Татьяна к этому времени вышла замуж и оставила отчий дом.

Процесс чтения «Ж. Ч.» отражен и в дневнике, причем он зачастую дополняет книжные пометы. Такова, например, запись от 14 июня 1910 г. (Осташево): «Возобновил прерванное с зимы чтение жене и Татиане биографии ~~Жуковского~~ (зачеркнуто в оригинале! — *Г. М.*) Чайковского» [2, ед. хр. 62, л. 80 об.]. 27 июля 1910 г.: «Дошли до его первого письма ко мне, в 1886 году»[20] [2, ед. хр. 62, л. 102]. Изредка встречаются комментарии иного содержания. Судя по ним, можно предположить, что погружение в биографическое повествование способствовало более глубокому постижению великим князем личности композитора и специфики творческого процесса в целом. Так, 26 июня 1910 г. К. Р. отметил: «Подобно Чайковскому я всегда считаю свое последнее произведение лучшим из всего мною сделанного» [2, ед. хр. 62, л. 85].

Хранящийся в Библиотеке Конгресса США экземпляр «Жизни Петра Ильича Чайковского» с пометами К. Р. представляет собой книжный памятник традиции семейного чтения вслух. По всей видимости, Константин Константинович заранее отбирал книги (изданные или рукописные) для подобного времяпрепровождения. Упоминание о семейных чтениях втроем можно найти и в его «большой переписке» с П.И. Чайковским: «Мы с сестрой (великой княгиней Ольгой Константиновной. — *Г. М.*) и женой (великой княгиней Елизаветой Маврикиевной. — *Г. М.*) читаем теперь неизданные письма графа А. Толстого, которые его племянница С.П. Хитрово переписала в несколько тетрадей и предлагает напечатать. <...> Это в высшей степени занимательное чтение» [16, с. 86]. Судя по дневнику, знакомство с «Ж. Ч.» было не менее увлекательным: «Эта книга нам нравится» (27 ноября 1909 г. [2, ед. хр. 61, л. 128]; «Начали 2-й том биографии Чайковского; очень занимательно» (1 января 1910 г. [2, ед. хр. 62, л. 2]) и т. д. Но мог ли Константин Константинович хотя бы в мыслях допустить, что книга из его личной библиотеки, книга, которую он читал в подмосковной деревне жене и дочери, обретет свое место по другую сторону океана?.. Поистине habent sua fata libelli...[21]

***

Как известно, труд М.И. Чайковского адресован всем, кому дорога и священна память Петра Ильича Чайковского. Великий князь

[18] Такое предположение напрашивается по аналогии с другим подношением М.И. Чайковского великому князю. 20 апреля 1907 г. он писал в сопроводительном письме: «Избалованный милостивым снисхождением Вашего Высочества к неисполнению мною правил этикета, опять решаюсь послать прямо на Ваше имя первый экземпляр только что вышедшей из печати мистерии моего сочинения («Катерина Сиенская». — *Г. М.*). <...> Простите мою смелость, Ваше Высочество! Благоговейно преданный и благодарный Модест Чайковский» [15, ед. хр. 491, л. 7].

[19] Подмосковная загородная резиденция великих князей Романовых. В 1903 г. Константин Константинович приобрел в Осташеве усадьбу и подолгу проводил там время вместе со всей семьей.

[20] Имеется в виду письмо П.И. Чайковского от 9 сентября 1886 года.

[21] Подробнее о судьбе дворцовых библиотек в 1920—1930-е гг. см.: [27].

Константин Константинович был человеком, к которому эти слова можно отнести в полной мере. Он не только свято хранил память о композиторе, находясь с ним в посмертном диалоге, но и сумел передать любовь к его музыке своим детям и даже зарубежным родственникам (об этом говорит, например, отсылка хора «Легенда» в Стокгольм принцессе Виктории Шведской[22]). Тем самым он способствовал осуществлению воли самого композитора: «Я желал бы всеми силами души, чтобы музыка моя распространялась, чтобы увеличивалось число людей, любящих ее, находящих в ней утешение и подпору» [28, с. 232—235].

Список источников

1. *Моисеев Г.А.* П.И. Чайковский и великий князь Константин Константинович: эпистолярный диалог в зеркале дневника К. Р. // Обсерватория культуры. 2016. Т. 13, № 5. С. 584—591. DOI: 10.25281/2072-3156-2016-13-5-584-591.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 660. (Великий князь Константин Константинович). Оп. 1.
3. *К. Р. [Константин Константинович, вел. кн.]* Стихотворения. Санкт-Петербург : В Государственной Типографии, 1886. 242 с.
4. Открытие памятника П.И. Чайковскому // Исторический вестник. Историко-литературный журнал. 1898. Том LXXIV. Декабрь (№ 12). С. 1215—1217.
5. Разные известия // Русская музыкальная газета. 1898. Ноябрь (№ 11). С. 984—986.
6. Тематико-библиографический указатель сочинений П.И. Чайковского / ред.-сост. П. Вайдман, Л. Корабельникова, В. Рубцова. Москва : П. Юргенсон, 2006. 1107 с.
7. The Tchaikovsky handbook : a Guide to the Man and His Music: Thematic Catalogue of Works, Catalogue of Photographs, Autobiography / Comp. by A. Poznansky and B. Langston. Vol. 1. Bloomington, 2001. (Russian Music Studies).
8. *Финдейзен Н.Ф.* Очерк деятельности С.-Петербургского отделения Императорского Русского музыкального общества (1859—1909). Санкт-Петербург : Типография Главного Управления Уделов, 1909. 119 с.
9. *Моисеев Г.А.* П.И. Чайковский и великий князь Константин Николаевич : к истории взаимоотношений // Научный вестник Московской консерватории. 2013. № 3. С. 136—167.
10. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 657. Елизавета Маврикиевна, великая княгиня, жена великого князя Константина Константиновича. (Письма кн. Иоанна Константиновича к матери, великой княгине Елизавете Маврикиевне). Оп. 1. Ед. хр. 90.
11. Воспоминания о П.И. Чайковском [Текст]: [Сборник / Гос. центр. музей муз. культуры им. М.И. Глинки; Гос. дом-музей П.И. Чайковского в Клину; сост. Е.Е. Бортникова и др.]. 3-е изд., испр. Москва : Музыка, 1979. 572 с.
12. Неизвестный Чайковский [Текст] / [науч. ред. и сост. П.Е. Вайдман]. Москва : П. Юргенсон, 2009. 358 с.
13. Письмо вел. кн. Константина Константиновича к М.И. Чайковскому // Государственный мемориальный музыкальный музей-заповедник П.И. Чайковского (ГММЗ) Отдел II. Группа Б. Индекс Б[10]. № 81. Л. 4.
14. *Чайковский П.И.* Полное собрание сочинений [Текст] : литературные произведения и переписка. Т. XVII : Письма / подгот. К.Ю. Давыдова, Г.И. Лабутина. Москва : Музыка, 1981. 358 с.
15. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 660. (Великий князь Константин Константинович). Оп. 2.
16. *Константин Константинович* (великий князь; 1858—1915). Избранная переписка / К. Р. ; [сост. Л.И. Кузьмина] ; Ин-т рус. лит. (Пушк. дом). Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин (ДБ), 1999. 528 с.
17. Личное дело проф. Г.Э. Конюса // Архив Московской государственной консерватории имени П.И. Чайковского. Ф. 2. Оп. 24.
18. *Константин Константинович* (великий князь; 1858—1915). Избранное : стихотворения, пер., драма / Константин Романов ; [сост. и автор предисл. Е.И. Осетров]. Москва : Советская Россия, 1991. 334 с.
19. *Чайковский П.И.* Полное собрание сочинений [Текст] : литературные произведения и переписка. Т. XIV: Письма 1887—1888 гг. / подгот. Н.Н. Синьковской и И.Г. Соколинской. Москва : Музыка, 1974. 716 с.

[22] Запись от 21 октября 1897 г.: «Писал Вики Шведской и послал ей хор Чайковского “Был у Христа-младенца сад” с шведским переводом слов, сделанным юнкером Смирновым с “Азии”» [2, ед. хр. 44, л. 111].

20. Русский вестник. 1894. Февраль. Т. 230. [№ 2]. С. 1.
21. Петербургский музыкальный архив: сборник статей и материалов. Вып. 4: Чайковский : новые документы и материалы : сборник статей / [отв. ред. Т.З. Сквирская]. Санкт-Петербург : Композитор, 2003. С. 252—272.
22. Разрешение, полученное М.И. Чайковским из Придворной Конторы Ее Императорского Высочества великой княгини Александры Иосифовны // Российский национальный музей музыки (РНММ). Ф. 94. № 1120.
23. LaVine K. Music and Books on Music from the Russian Imperial Collection in the Library of Congress: a Bibliography [Электронный ресурс]. URL: https://www.loc.gov/rr/perform/RICbib.pdf (дата обращения: 19.03.2020).
24. *Чайковский М.И.* Жизнь Петра Ильича Чайковского : по документам, хранящимся в архиве имени покойного композитора в Клину : в 3-х т. Т. 1: 1840—1877. Москва ; Лейпциг : П. Юргенсон, 1900. 537 с.
25. *Чайковский М.И.* Жизнь Петра Ильича Чайковского : по документам, хранящимся в архиве имени покойного композитора в Клину : в 3-х т. Т. 2: 1877—1884. Москва ; Лейпциг : П. Юргенсон, 1901. 695 с.
26. *Чайковский М.И.* Жизнь Петра Ильича Чайковского : по документам, хранящимся в архиве имени покойного композитора в Клину : в 3-х т. Т. 3: 1885—1893. Москва ; Лейпциг : П. Юргенсон, 1902. 688 с.
27. A Dark mirror : Romanov and Imperial Palace Library Materials in the Holdings of the New York Public Library : a Checklist and Agenda for Research / comp. by R.H. Davis, Jr. ; with a pref. by M. Raeff and an introd. essay by R.H. Davis, Jr. a. E. Kasinec. New York : Ross, 1999. XI. 310 p. (Slavic, Baltic, and Eurasian Resource Series).
28. *Чайковский П.И.* Полное собрание сочинений [Текст]: литературные произведения и переписка. Т. IX : Письма 1880 / подгот. Н.А. Викторовой и др. Москва : Музгиз, 1965. 407 с.

Pyotr Ilyich Tchaikovsky and Grand Duke Konstantin Konstantinovich: A Posthumous Dialogue

Grigory A. Moiseev
P.I. Tchaikovsky Moscow State Conservatory, 13/6, Bolshaya Nikitskaya Str., Moscow, 125009, Russia
ORCID: 0000-0003-2361-7997; SPIN 9670-5937
E-mail: gmoiseev@yandex.ru

Abstract. *Pyotr Ilyich Tchaikovsky and Grand Duke Konstantin Konstantinovich (the august poet K. R.) were linked by many years of friendship and creative cooperation. After the composer's death (October 25, 1893), K. R. became involved in the process of perpetuating his memory. The posthumous dialogue was manifested in various forms: Grand Duke Konstantin Konstantinovich's participation in church and secular memorial ceremonies, private commemorations, and his close communication with M.I. Tchaikovsky and V.L. Davydov — the composer's brother and nephew. In addition, K. R. reexamined his creative and epistolary communication with the composer, whose memory he would pass on to his children. These and other aspects are considered in three sections of the proposed article: 1) "Under the Sign of the Liturgy Op. 41" (this spiritual and musical work runs through the whole life of the Grand Duke); 2) "The Grand Duke and M.I. Tchaikovsky" (a key figure in the "human" aspect); 3) "K. R. Reads 'The Life of Pyotr Ilyich Tchaikovsky'" (one of the most important findings was a copy of the book 'The Life of Pyotr Ilyich Tchaikovsky', which belonged to Grand Duke and bears his notes; they retrospectively reflect the process of in-depth family reading). The article is based on documentary materials from Russian and foreign collections (including the State Archive of the Russian Federation and the Library of Congress, USA), many of which are introduced into scientific use for the first time. The article uses methods of comparative source studies. The materials of the article can be used in a course of the history of Russian music, as well as in a modern commented edition of the epistolary heritage and diaries of P.I. Tchaikovsky, M.I. Tchaikovsky and Grand Duke Konstantin Konstantinovich.*

Key words: P.I. Tchaikovsky, M.I. Tchaikovsky, Grand Duke Konstantin Konstantinovich, K. R., personal library, G.E. Conus, Liturgy Op. 41, Imperial Russian Musical Society, "Russian Imperial Collection", correspondence, diaries, commenting, source studies, Romanovs' archives, august patronage.
Citation: Moiseev G.A. Pyotr Ilyich Tchaikovsky and Grand Duke Konstantin Konstantinovich: A Posthumous Dialogue, *Observatory of Culture*, 2020, vol. 17, no. 5, pp. 496—509. DOI: 10.25281/2072-3156-2020-17-5-496-509.

References

1. Moiseev G.A. Peter Tchaikovsky and Grand Duke Konstantin Konstantinovich: the Epistolary Dialogue in the Mirror of K. R.'s Diary, *Observatoriya kul'tury* [Observatory of Culture], 2016, vol. 13, no. 5, pp. 584—591 (in Russ.).
2. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF)* [State Archive of the Russian Federation], coll. 660, aids 1.
3. K. R. *Stikhotvoreniya* [Poems]. St. Petersburg, V Gosudarstvennoi Tipografii Publ., 1886, 242 p.
4. Opening of a Monument to P.I. Tchaikovsky, *Istoricheskii vestnik. Istoriko-literaturnyi zhurnal* [Historical Bulletin. Historical and Literary Journal], 1898, vol. LXXIV, December' (no. 12), pp. 1215—1217 (in Russ.).
5. Miscellaneous News, *Russkaya muzykal'naya gazeta* [Russian Music Newspaper], 1898, November (no. 11), pp. 984—986 (in Russ.).
6. Vaidman P., Korabelnikova L., Rubtsova V. (eds). *Tematiko-bibliograficheskii ukazatel' sochinenii P.I. Chaikovskogo* [Subject and Bibliographic Index of P.I. Tchaikovsky's Works]. Moscow, P. Yurgenson Publ., 2006, 1107 p.
7. Poznansky A., Langston B. (eds). *The Tchaikovsky Handbook: A Guide to the Man and His Music: Thematic Catalogue of Works, Catalogue of Photographs, Autobiography*, vol. 1. Bloomington, 2001 (Russian Music Studies).
8. Findeizen N.F. *Ocherk deyatel'nosti S.-Peterburgskogo otdeleniya Imperatorskogo Russkogo muzykal'nogo obshchestva (1859—1909)* [An Essay of Activities of the St. Petersburg Branch of the Imperial Russian Music Society (1859—1909)]. St. Petersburg, Glavnogo Upravleniya Udelov Publ., 1909, 119 p.
9. Moiseev G.A. P.I. Tchaikovsky and Grand Duke Konstantin Nikolaevich of Russia. The History of Relationship, *Nauchnyi vestnik Moskovskoi konservatorii* [Journal of Moscow Conservatory], 2013, no. 3, pp. 136—167 (in Russ.).
10. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF)* [State Archive of the Russian Federation], coll. 657, aids 1, item 90.
11. *Vospominaniya o P.I. Chaikovskom* [Memories of P.I. Tchaikovsky]. Moscow, Muzyka Publ., 1979, 572 p.
12. *Neizvestnyi Chaikovskii* [The Unknown Tchaikovsky]. Moscow, P. Yurgenson Publ., 2009, 358 p.
13. A Letter from Grand Duke Konstantin Konstantinovich to M.I. Tchaikovsky, *Gosudarstvennyi memorial'nyi muzykal'nyi muzei-zapovednik P.I. Chaikovskogo (GMMMZ)* [Tchaikovsky State House-Museum], sec. II, group B, index B10, no. 81, p. 4 (in Russ.).
14. Tchaikovsky P.I. *Polnoe sobranie sochinenii: literaturnye proizvedeniya i perepiska. T. XVII: Pis'ma* [Complete Works: Literary Works and Correspondence. Volume XVII: Letters]. Moscow, Muzyka Publ., 1981, 358 p.
15. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF)* [State Archive of the Russian Federation]. coll. 660, aids 2.
16. *Konstantin Konstantinovich (velikii knyaz'; 1858—1915). Izbrannaya perepiska* [Konstantin Konstantinovich (Grand Duke; 1858—1915). Selected Correspondence]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin (DB) Publ., 1999, 528 p.
17. Personal File of Professor G.E. Conus, *Arkhiv Moskovskoi gosudarstvennoi konservatorii imeni P.I. Chaikovskogo* [Archive of the Moscow State Tchaikovsky Conservatory], coll. 2, aids 24 (in Russ.).
18. *Konstantin Konstantinovich (velikii knyaz'; 1858—1915) Izbrannoe: stikhotvoreniya, per., drama* [Konstantin Konstantinovich (Grand Duke; 1858—1915). Selected Works: Poems, Translations, Drama]. Moscow, Sovetskaya Rossiya Publ., 1991, 334 p.
19. Tchaikovsky P.I. *Polnoe sobranie sochinenii: literaturnye proizvedeniya i perepiska. T. XIV: Pis'ma 1887—1888 gg.* [Complete Works: Literary Works and Correspondence. Volume XIV: Letters 1887—1888]. Moscow, Muzyka Publ., 1974, 716 p.
20. *Russkii vestnik* [Russian Bulletin], 1894, February, vol. 230, p. 1.
21. *Peterburgskii muzykal'nyi arkhiv: sbornik statei i materialov. Vyp. 4: Chaikovskii: novye dokumenty i materialy: sbornik statei* [Petersburg Music Archive: Collected Articles and Materials. Issue 4: Tchaikovsky:

New Documents and Materials: Collected Articles]. St. Petersburg, Kompozitor Publ., 2003, pp. 252—272 (in Russ.).
22. Permission Obtained by M.I. Tchaikovsky from the Court Office of Her Imperial Highness Grand Duchess Aleksandra Iosifovna, *Rossiiskii natsional'nyi muzei muzyki (RNMM)* [Russian National Museum of Music], coll. 94, no. 1120 (in Russ.).
23. LaVine K. *Music and Books on Music from the Russian Imperial Collection in the Library of Congress: A Bibliography*. Available at: https://www.loc.gov/rr/perform/RICbib.pdf (accessed 19.03.2020).
24. Tchaikovsky M.I. *Zhizn' Petra Il'icha Chaikovskogo: po dokumentam, khranyashchimsya v arkhive imeni pokoinogo kompozitora v Klinu: v 3-kh t. T. 1: 1840—1877* [The Life of Pyotr Ilyich Tchaikovsky: According to Documents Stored in the Archive named after the Late Composer in Klin: in 3 volumes. Volume 1: 1840—1877]. Moscow, Leipzig, P. Yurgenson Publ., 1900, 537 p.
25. Tchaikovsky M.I. *Zhizn' Petra Il'icha Chaikovskogo: po dokumentam, khranyashchimsya v arkhive imeni pokoinogo kompozitora v Klinu: v 3-kh t. T. 2: 1877—1884* [The Life of Pyotr Ilyich Tchaikovsky: According to Documents Stored in the Archive named after the Late Composer in Klin: in 3 volumes. Volume 2: 1877—1884]. Moscow, Leipzig, P. Yurgenson Publ., 1901, 695 p.
26. Tchaikovsky M.I. *Zhizn' Petra Il'icha Chaikovskogo: po dokumentam, khranyashchimsya v arkhive imeni pokoinogo kompozitora v Klinu: v 3-kh t. T. 3: 1885—1893* [The Life of Pyotr Ilyich Tchaikovsky: According to Documents Stored in the Archive named after the Late Composer in Klin: in 3 volumes. Volume 3: 1885—1893]. Moscow, Leipzig, P. Yurgenson Publ., 1902, 688 p.
27. Davis R.H., Jr. (ed.) *A Dark Mirror: Romanov and Imperial Palace Library Materials in the Holdings of the New York Public Library: A Checklist and Agenda for Research*. New York, Ross Publ., 1999, XI, 310 p. (Slavic, Baltic, and Eurasian Resource Series).
28. Tchaikovsky P.I. *Polnoe sobranie sochinenii: literaturnye proizvedeniya i perepiska. T. IX: Pis'ma 1880* [Complete Works: Literary Works and Correspondence. Volume IX: Letters 1880]. Moscow, Muzgiz Publ., 1965, 407 p.

АНОНС

КНИГИ НА КАРАНТИНЕ. ПРАВИЛА ОБРАЩЕНИЯ С ДОКУМЕНТАМИ

На сайте Российской государственной библиотеки (РГБ) собраны рекомендации для библиотек по работе с книгами в условиях борьбы с коронавирусом. В текущей ситуации важно не только соблюдать правила дезинфекции, но и сохранить целостность документов.

Регулярно обновляющийся перечень рекомендаций доступен по адресу:
https://www.rsl.ru/ru/all-news/knigi-na-karantine-pravila

А. Кащеев, заведующий сектором превентивной консервации документов Управления обеспечения сохранности фондов РГБ, провел вебинар «Как изменится жизнь книг после карантина: что важно, а что делать нельзя», на котором были подняты следующие вопросы:

- проблема дезинфекции в консервации документов;
- почему кварцевание и дезинфекция может быть опасной для книг;
- советы профессионалам по обращению с книгами во время выхода из карантина. Вместе с экспертом мы разберемся, как соблюсти грань между безопасностью читателей и сохранностью книг.

Видеозапись вебинара доступна на канале РГБ в YouTube:
https://www.youtube.com/watch?v=QLU-lA56gl4